

ТЕАТР, В КОТОРОМ УМИРАЮТ ГОЛОСА

Недавняя газета. — 1993. — 6 февр. с. 4

Цикл концертов «Жемчужные голоса Большого»

Вадим Журавлев

Bel canto

ДРЕВНИЕ были убеждены, что жемчужины возникают из капель росы или дождя. Поэты, как всегда, обращались к чувствам. «Жемчужины, что долго почивали, — то слезы, что наяды проливали», — писал Вальтер Скотт, а Шекспир вторил ему: «И светлые слезы, что ты обронила, вернутся, жемчужинами обратясь». На Руси всегда питали особую страсть к «перлам» и любили украшать ими все подряд — от обуви до икон. Вот и менеджер Татьяна Гудкова назвала цикл концертов, которые она проводила в Малом зале консерватории, не «золотыми», а «жемчужными голосами».

Открыл цикл концерт Людмила Нам. Когда певица только появилась в Большом, страстные поклонники бельканто облегченно вздохнули: «Теперь и у нас есть россиниевское меццо-сопрано. Будет кому петь и «Золушку», и «Семирамиду». Нам спела Розину. Один раз. Удачно выступила в партии Корнелии («Юлий Цезарь Генделя»), записала «Норму» Беллини с Марией Биешу. Но в основном все эти годы практиковалась в роли Дуэньи из «Царской невесты», достигла особых высот в исполнении всевозможных вторых, пятых и десятых баб. «Масштабной» работой певицы стала Няня в последней постановке «Евгения Онегина». Репертуар, прямо скажем, не для колоратурного меццо. Что делать? Театр не может ставить спектакли в расчете на каждого артиста разросшейся труппы. Здесь могли бы помочь сольные концерты, но для этого необходимо еще желание певцов и их трудолюбие. Качества, которые полностью исчезают у «сотрудников» Большого.

Но вернемся к концерту. Разномастная его программа являла все области вокального чародейства: блестящие оперные арии, сентиментальные народные песни, задушевные камерные романсы. О, эти романсы русских композиторов! Далеко не всякому артисту

дано вскрыть их раковину и достать из глубины авторского замысла «жемчужины» вокализации. Как легко спутать настоящее со стеклянными шариками, покрытыми перламутром безвкусицы, салонности, цыганщины. (Что, кстати, и произошло недавно с одним новомодным баритоном, сводящим с ума многих меломанов.) Кроме надрывных нот, Людмиле Нам в этот вечер удалось извлечь на свет божий горох, песок — все что угодно, только не жемчуг. А может, он был проглочен рыбами, плавающими по подолу шикарного платья певицы?

Ударив крупнокалиберным голосом по божественным фиоритурам Каччини и Моцарта, певица вспомнила коронный россиниевский репертуар, исполнив рондо Анжелины-Золушки. Но «прошлого не воротить»: голос потерял былую подвижность, совсем исчез средний регистр, а жуткие ферматы верхних нот напоминали... Чего они только не напоминали! Действительно, жемчуг связан со слезами. До слез обидно за певицу, растерявшую по дюньшам и няням свой редкий голос.

Недавно в телевизионной передаче Александр Лазарев пожаловался, что его травят с тех пор, как он занял место главного дирижера Большого театра. Отбиваясь все эти годы от критиков, Александр Николаевич и не заметил, как теряет театр одну за другой свои основные составляющие: голоса, режиссеров, зрителей. Теперь под его колоннами можно встретить лишь дородных мужиков с полнотелыми мешками, наполненными всевозможной валютой.

В начале прошлого века у одного из московских монахов — старца Зосимы — хранилась одна из самых крупных и красивых жемчужин — «Пеллегрина». После его смерти драгоценность исчезла из России, а несколько лет назад объявилась в Америке. Большой театр все больше напоминает потерянную «жемчужину» Зосимы отечественной культуры.

Но я забыл о другом концерте цикла. Его героиня — Ирина Удалова — появилась в театре относительно недавно, проработав несколько лет на провинциальной

сцене. Ей повезло больше, чем Нам, она сразу попала в число ведущих солисток, спев Войславу в «Младе» Римского-Корсакова, Иоанну в «Орлеанской деве» и Лизу в «Пиковой даме» Чайковского. Но певица всегда производила впечатление великой труженицы, способной на большее: ведь крепкое драматическое сопрано — такая же редкость, как и россиниевское меццо. Концерт убедил меня в обратном из-за полной самоудовлетворенности Удаловой, ее нежелания петь ничего, кроме дежурного репертуара Большого. Певица даже не удосужилась как следует выучить программу первого и единственного сольного концерта, а книжка с текстами арий в руках никак не способствовала глубокому прочтению исполняемых произведений. Всего за пять сезонов в Большом Удалова потеряла свежесть и искренность фразировки, способность филировать звук, разделяя тонкие динамические оттенки, зато приобрела богатый опыт поверхностного и бездумного исполнения арий (романсы лучше и не упоминать). И, конечно, гремящее форте, столь милое слуху многих зрителей Большого.

Через несколько дней цикл «Жемчужные голоса» завершился концертом молодого баритона Бориса Стаценко, хорошо известного любителям оперы и по выступлениям в Камерном музыкальном театре, и по последнему конкурсу имени Чайковского, где он получил вторую премию, заявив о себе как о певце не без таланта. Покинув труппу Покровского ради Большого, он уже понял, я думаю, что попал в театр, где умирают голоса.

Одна из научных теорий считает, что жемчуг — это саркофаг для микроорганизмов. Но сам он не умирает, ведь никогда и не был живым. На 90% жемчуг состоит из карбоната кальция — обыкновенной строительной известки или шпаклевки, которыми замазывают все щели в мавзолее, именуемом Большим театром, дабы не слышать критики. Или поддерживать режим разложения театра.